
УГОЛОВНОЕ ПРАВО

DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-3-68-73
УДК 343.22

Дата поступления статьи: 30/IV/2019
Дата принятия статьи: 31/V/2019

Т. В. Кленова, Д. Л. Мнацаканян

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ ЭКСЦЕССА СОУЧАСТНИКА

© **Кленова Татьяна Владимировна** (klenova_tatiana@mail.ru), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, **Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева**, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема докторской диссертации: «Основы теории кодификации уголовно-правовых норм». Автор более 160 научных работ, в том числе учебников, монографий и учебных пособий: «Основы теории кодификации уголовно-правовых норм» (2001). Ряд научных трудов написан в соавторстве: «Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации» (научно-практический) (2019), «Актуальные проблемы уголовного права. Часть общая» (2019), «Ресоциализация и реальное включение в гражданское общество осужденных» (2019).

Область научных интересов: кодификация уголовно-правовых норм, квалификация преступлений.

© **Мнацаканян Диана Леоновна** (diana-mn1996@mail.ru), магистрант I курса юридического факультета, **Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева**, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Автор 7 научных статей, в том числе «Акцессорная теория соучастия в уголовном праве Франции».

Область научных интересов: актуальные проблемы института соучастия в уголовном праве России.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с пониманием эксцесса соучастников преступления и определением уголовно-правовых последствий преступлений, совершенных в соответствующих условиях. В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации закреплена дефинитивная норма об эксцессивном поведении исполнителя преступления, но не регламентируется уголовная ответственность этого соучастника при эксцессе, а также ответственность других соучастников преступления. При этом необоснованно не учитывается эксцесс соучастников, не являющихся соисполнителями преступления. Это объясняет выбор цели исследования – определить отправные идеи понимания эксцесса не только исполнителя, но и других соучастников преступления. Задачи статьи: подтвердить возможность эксцесса соучастника, не являющегося исполнителем преступления, обозначить пределы эксцесса соучастников, разработать рекомендации по совершенствованию действующего законодательства в данной области правового регулирования, сформулировать правила квалификации преступлений в условиях эксцесса соучастников. Основные выводы авторов статьи – о понимании эксцесса соучастника без отклонения от концептуальных идей учения о соучастии, об универсальности нормы об эксцессе и необходимости дифференциации ответственности соучастников при эксцессе любого из соучастников.

Ключевые слова: соучастие в преступлении, соучастие в неоконченном преступлении, неудавшееся соучастие, эксцесс соучастника преступления, квалификация преступления, совершенного в соучастии.

Цитирование. Кленова Т. В., Мнацаканян Д. Л. Актуальные проблемы понимания эксцесса соучастника // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3. С. 68–73. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-68-73>.

T. V. Klenova, D. L. Mnatsakanyan

ACTUAL PROBLEMS OF UNDERSTANDING THE EXCESSIVE ACT OF AN ACCOMPLICE

© **Klenova Tatiana Vladimirovna** (klenova_tatiana@mail.ru), Doctor of Law, professor, head of the Department of Criminal Law and Criminology, **Samara National Research University**, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Doctoral thesis: «Fundamentals of the theory of codification of criminal law». Author of more than 160 scientific works, including textbooks and monographs: «Fundamentals of the theory of codification of criminal law» (2001). A number of scientific papers written in collaboration: «Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation» (research and practical) (2019), «Actual problems of criminal law. Part General» (2019), «Resocialization and real inclusion of convicts in civil society» (2019).

Research interests: Codification of criminal law, qualification of crimes.

© **Mnatsakanyan Diana Levonovna** (diana-mn1996@mail.ru), first-year Master's degree student of the Faculty of Law, **Samara National Research University**, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Author of 7 scientific articles, including «Accessory theory of complicity in French criminal law».

Research interests: actual problems of the Institute of complicity in the criminal law of Russia.

ABSTRACT

The article deals with some issues related to the understanding of the excesses of accomplices and the definition of the criminal – legal consequences of crimes committed in the appropriate conditions. The current Criminal Code of the Russian Federation establishes a definitive rule on the excessive behavior of the perpetrator of the crime, but does not regulate the criminal liability of this accomplice in the excesses, as well as the responsibility of other accomplices in the crime. In this case, the excess of accomplices who are not co-perpetrators of the crime is not unreasonably taken into account. This explains the choice of the purpose of the study – to determine the initial ideas of understanding the incident, not only the performer, but also other accomplices of the crime. Objectives of the article: to confirm the possibility of excesses of an accomplice who is not the perpetrator of the crime, to identify the limits of excesses of accomplices, to develop recommendations for improving the current legislation in this area of legal regulation, to formulate rules for the qualification of crimes in the conditions of excesses of accomplices. The main conclusions of the authors of the article – on the understanding of the excesses of the accomplice without deviation from the conceptual ideas of the doctrine of complicity, the universality of the rules of the excesses and the need to differentiate the responsibility of the accomplices in the excesses of any of the accomplices.

Key words: complicity in a crime, complicity in an unfinished crime, failed complicity, excessive act of an accomplice in a crime, qualification of a crime committed in complicity.

Citation. Klenova T. V., Mnatsakanyan D. L. *Aktual'nye problemy ponimaniya ekstsessa souchastnika* [Actual problems of understanding the excessive act of an accomplice]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 3, pp. 68–73. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-68-73> [in Russian].

Соучастие отличается повышенной общественной опасностью и представляет собой такую форму совершения преступления, когда на достижение преступного результата намеренно направлены усилия двух и более лиц, каждый из которых наделен свойствами субъекта преступления. При этом соучастие проявляется многовариантно, что осложняет понимание и его существенных характеристик, и содержательных особенностей.

Уязвимость накопленной научной базы института соучастия выражается прежде всего в том, что по-разному трактуются исходные понятия соучастия и группы или соисполнительства в преступлении. И нет общепринятой позиции по вопросу о пределах взаимосвязей соисполнителей преступления и взаимосвязей субъектов преступления с функциями разных соучастников (исполнитель, пособник, подстрекатель и организатор).

Верховный Суд РФ систематически дает разъяснения о том, как следует при квалификации преступлений различать соучастие с распределением ролей и в форме группового соисполнительства. При этом, ссылаясь на ст. 33 и 35 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), формулирует не общие правила, которые можно было бы применять к разным видам преступлений, а специальные правила, конкретизированные для отдельных видов преступлений [1, с. 59].

Так, в постановлении от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» Пленум Верховного Суда РФ предложил ограничительную трактовку групповых форм этого преступления. Убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосред-

ственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, применяя к нему насилие [2, с. 4]. В соответствии с приведенным разъяснением из квалификации обычно исключается упоминание об убийстве по предварительномуговору группой лиц, если убийство было приготовлено группой по предварительномуговору, но смерть непосредственно была причинена единолично одним из членов группы, например путем удушения. И в порядке казуального толкования уголовного закона по делу Мальского и Панарина Верховный Суд РФ разъяснил, что группы по предварительномуговору нет, соответственно, нет и соучастия, как и если виновные совершают согласованные убийства, каждый – одного потерпевшего. Как было установлено, Мальский и Панарин, распределив роли, зашли на кухню, где спали потерпевшие, и Мальский задушил П., а Панарин одновременно – Г. [3, с. 14].

Напротив, в постановлении от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» Пленум Верховного Суда РФ дал расширительное толкование соисполнительства в этих преступлениях. В пункте 10 постановления разъясняется: «Исходя из смысла части второй статьи 35 УК РФ, уголовная ответственность за кражу, грабеж или разбой, совершенные группой лиц по предварительномуговору, наступает и в тех случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками непосредственное изъятие имущества осуществляет один из них. Если другие участники совершили согласованные действия, направленные на оказание непосредственного содействия исполнителю в совершении преступления (например, лицо не проникло в жилище, но участвовало во взломе дверей, запоров, решеток, по заранее состоявшейся договоренности вывозило похищенное, подстраховывало других соучастников от возможного обнаружения совершаемого преступления), содеянное ими является соисполнительством и в силу части второй статьи 34 УК РФ не требует дополнительной квалификации по статье 33 УК РФ» [4, с. 5]. Вместе с тем уже после принятия этого постановления, по делу Оболонского было опубликовано разъяснение, что действия лица, являвшегося организатором готовящегося разбойного нападения, должны квалифицироваться со ссылкой на ч. 3 ст. 33 УК РФ, то есть не по правилам соисполнительства [5, с. 10].

Чтобы обеспечить единообразное применение статей Общей части УК РФ о соучастии, видимо, необходимо усовершенствовать и дополнить эти статьи. Судебная власть должна определиться, какие сделать предложения законодательным органам об определении соучастия, группы и соисполнительства с учетом распределения ролей между соисполнителями и другими соучастниками. Кроме того, целесообразно общее решение вопроса о признании организатора группы её членом, то есть соисполнителем преступления, совершаемого соответствующей группой. В статью 35 УК РФ должны быть внесены изменения, облегчающие ее единообразное применение при квалификации преступлений разных видов, совершенных

группой лиц, группой по предварительномуговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией).

Нельзя не признать, что реализация этих рекомендаций затрудняется в связи с конфликтностью мнений о понимании соучастия. Так, в соответствии с позицией, выраженной Р. Р. Галиакбаровым, групповое преступление и соисполнительство отличаются друг от друга с формально-юридической точки зрения. По мнению этого автора, соисполнительство имеет место, когда каждый из субъектов преступления непосредственно своими усилиями выполняет хотя бы частично действия, охватываемые признаками объективной стороны состава. А групповое преступление – это совершение преступления несколькими лицами по предварительномуговору или без него, прямо предусмотренное законом при конструировании признаков конкретного состава преступления [6, с. 17].

Другая оригинальная концепция озвучена Н. Г. Ивановым. Этот автор отстаивает вывод об идентичности группы и соучастия: «Группа лиц и соучастие обладают совершенно одинаковыми признаками, как с точки зрения социальной психологии, так и с позиций юриспруденции. Для группы, как и для соучастия, характерны наличие двух или более субъектов, совместность участия в преступлении (каждый вносит свою лепту в достижение общей цели), умышленность деятельности и участие в умышленном преступлении. Значит, группа – это разнородность соучастия, и, таким образом, любое соучастие есть одновременно группа лиц» [7, с. 32]. Такая трактовка группы и соучастия предполагает вывод, что исполнителями преступления являются все соучастники.

Обе названные позиции обычно оцениваются как спорные, но находят сторонников, наверное, в значительной степени из-за несовершенства законодательного института соучастия.

Концептуальная неясность общих вопросов о соучастии и его соотношении с группой или соисполнительством в преступлении препятствует решению специальных вопросов соучастия, к которым относится эксцесс соучастника. В настоящих условиях нет возможности обеспечить единообразную практику квалификации преступлений разных видов при эксцессе соучастников разных видов.

УК РФ закрепляет единственную норму, регулирующую отступление от запланированной преступной деятельности в форме эксцесса, и только в отношении исполнителя преступления, под которым понимается не любой соучастник преступления, а только исполнитель объективной стороны преступления. Это норма об эксцессе исполнителя. В ней отражено понимание эксцесса исполнителя как неудавшегося соучастия, при этом не устанавливаются, а значит, и не соотносятся пределы уголовной ответственности исполнителя с эксцессивным поведением и других соучастников преступления, не участвующих в его эксцессе. Эксцессом исполнителя признается совершение исполнителем преступления, не охватываемого умыслом других соучастников. Также указывается, что за эксцесс исполнителя другие соучастники преступления уголовной ответственности не подлежат (ст. 36 УК РФ).

Легальная дефиниция эксцесса исполнителя в полной мере отражает главенствующую в российской уголовно-правовой системе концепцию индивидуальной ответственности, исключая акцессорный характер института соучастия. Вместе с тем в законодательстве не закреплено, но в судебной практике применяется правило об изменении пределов ответственности других соучастников из-за эксцесса исполнителя. Когда с эксцессом связывается вывод о неудавшемся соучастии, то предлагается квалифицировать содеянное как неоконченное преступление для других соучастников. В связи с этим допускается вывод, что российское уголовное право «частично признает принцип акцессорности соучастия, при котором ответственность соучастников зависит от уголовно-правовой оценки действий исполнителя. Однако эта зависимость не является абсолютной» [8, с. 154].

В Модельном Уголовном кодексе, который является рекомендательным законодательным актом Содружества Независимых Государств, предложена иная трактовка эксцесса – как эксцесса соучастника (ст. 37), то есть признаются эксцессивными действия любого соучастника преступления. Такой подход способствует разрыву зависимости ответственности соучастников от ответственности исполнителя.

И в юридической литературе приводятся примеры, подтверждающие возможность эксцесса любого из соучастников преступления. Так, пособник, добывающий для исполнителя готовящегося хищения оружие, может приобрести вместо обусловленного гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, оборот которого не запрещен уголовным законом, пистолет, то есть кроме пособничества хищению совершит другое преступление – незаконное приобретение и ношение оружия [9, с. 25]. Еще примеры. Лицо обещает доставить транспортное средство для перевозки похищенного имущества и с этой целью может совершить убийство владельца автомобиля или, пообещав отвлечь внимание сторожа, может причинить ему смерть [10, с. 102]. Организатор и подстрекатель, взявшиеся поговору с другими соучастниками склонить еще одного человека к преступлению, могут в попытке принуждения к соучастию применить непредусмотренное насилие [9, с. 96]. Пособник при подготовке разбойного нападения может предоставить боевые патроны вместо холостых или отравляющее вещество вместо оговоренного снотворного [11, с. 83]. В данных примерах налицо эксцесс не исполнителя, а иных соучастников преступления.

Обратимся к современному уголовному делу, иллюстрирующему эксцесс организатора, которое было опубликовано Верховным Судом РФ [12, с. 36–37]. Гражданин Гамзатов не менее четырех раз совершил развратные действия в отношении не достигшей шестнадцатилетнего возраста дочери от первого брака его супруги Г. После этого супруга прекратила с ним брачные отношения, обещая при этом рассказать о его развратных действиях в отношении ее дочери родственникам и жителям села. Гамзатов, полагая, что супруга может огласить данную информацию о преступлении, с целью его

сокрытия решил убить Г. Для реализации своего преступного намерения Гамзатов приобрел огнестрельное оружие. После этого встретился со своим двоюродным братом М. и ввел его в заблуждение относительно своего действительного мотива запланированного преступления, сообщив о том, что его жена Г. ведет аморальный образ жизни, тайно встречается с посторонними мужчинами, позоря его честь и достоинство, и попросил М. из-за этого убить её. После полученного согласия М. на совершение преступления Гамзатов незаконно передал М. ранее приобретенное огнестрельное оружие. М., вооружившись, прибыл в указанное Гамзатовым время в квартиру Г. и произвел один выстрел в живот потерпевшей, вновь попытался произвести в нее выстрелы, однако не смог, так как пистолет дал осечку. После этого взял из кухни нож и нанес им не менее 5-6 ударов в грудь и в область сердца потерпевшей. Г. от полученных ранений скончалась.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор в отношении Гамзатова изменила и переквалифицировала его действия с ч. 3 ст. 33, п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ («Организация убийства с целью скрыть другое преступление») на ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 105 УК РФ («Организация “простого убийства”»). Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации просил отменить апелляционное определение в отношении Гамзатова и передать дело на новое апелляционное рассмотрение, поскольку у Гамзатова имелся квалифицирующий мотив совершения убийства – скрыть совершение развратных действий в отношении несовершеннолетней.

Президиум Верховного Суда РФ не подверг сомнению правильность установления судом первой инстанции фактических обстоятельств дела, при этом отменил апелляционное определение Судебной коллегии, указав на существенное, фундаментальное нарушение уголовного закона (неправильное его применение).

В самом деле, решение суда апелляционной инстанции о том, что организатор преступления Гамзатов должен нести уголовную ответственность за соучастие в преступлении, квалифицированном с учетом мотива исполнителя М., представляется ошибочным. Действия Гамзатова следовало квалифицировать по ч. 3 ст. 33, п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ как организацию убийства с целью скрыть другое преступление. Здесь ясно обнаруживается эксцесс организатора преступления ввиду отсутствия осведомленности у исполнителя о настоящей цели организатора – скрыть другое преступление. Однако при вынесении судебных решений по изложенному уголовному делу об эксцессе организатора не упомянуто, что, очевидно, связано с пробелом в уголовном законодательстве РФ, в котором нет дефиниции эксцесса организатора и других соучастников, не являвшихся соисполнителями преступления.

Приведенное судебное решение по делу Гамзатова комментируется в юридической литературе. Следует отметить позицию О. С. Капинус и К. В. Ображиева, которые, поддерживая решение Президиума Верховного Суда РФ по делу Гамзатова, заключают, что оно не противоречит

действующему уголовному законодательству: «В ст. 36 УК РФ идет речь исключительно о правилах квалификации эксцесса исполнителя, однако это не означает, что эксцесс иных соучастников преступления должен оцениваться по иным правилам» [13, с. 51]. Однако процитированный вывод означает, что эти авторы допускают применение уголовного закона по аналогии, что все же противоречит действующему уголовному законодательству, в котором применение уголовного закона по аналогии запрещается (ч. 2 ст. 3 УК РФ).

Еще одной актуальной проблемой является определение пределов ответственности соучастников при осуществлении исполнителем менее тяжкого однородного преступления. Обычно в юридической литературе эта проблема иллюстрируется примером эксцесса исполнителя, который, имея предварительную договоренность с иными соучастниками о хищении чужого имущества путем разбойного нападения, воспользовался отсутствием собственника и совершил тайное хищение этого имущества.

Возможны несколько вариантов уголовно-правовой оценки такого события.

Первый вариант. Исполнителю вменяется фактически совершенное оконченное менее тяжкое преступление, а иными соучастникам – приготовление к более тяжкому преступлению. А. А. Арутюнов следующим образом обосновывает этот вариант квалификации: «Например, соучастники договорились совершить грабеж, а исполнитель нашел возможным обойтись без открытого хищения имущества и совершил кражу. В этих случаях исполнитель должен нести ответственность только за совершение кражи, поскольку в отношении грабежа имеет место добровольный отказ. Остальные соучастники несут ответственность за грабеж по правилам, предусмотренным для неоконченного преступления. Приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления (ч. 1 ст. 30 УК РФ) признаются приготовлением к преступлению» [14, с. 192–193].

Второй вариант. Деяние исполнителя квалифицируется как оконченное менее тяжкое преступление, а деяния остальных соучастников – как соучастие в покушении на преступление. Такую версию уголовно-правовой оценки допускает, например, Л. В. Иванова [15, с. 25]. В случае разбоя, как можно понять, квалификация предлагается в виде покушения на разбой, невзирая на усеченность его состава.

Третий вариант. Исполнитель несет ответственность за фактически совершенное им оконченное преступление, а организатор, подстрекатель, пособник – за соучастие в оконченном более тяжком преступлении, которое было изначально запланировано соучастниками. Например, С. Ф. Милюков пишет: «Подстрекатель склонил исполнителя к разбою, а исполнитель совершил кражу. В этом случае первый несет ответственность за подстрекательство именно к разбою, а исполнитель – только за фактически совершенную кражу» [11, с. 32].

Четвертый вариант существенно отличается от выше приведенных, поскольку сориентирован на аксессуарную теорию соучастия. Предлагается

единая квалификация для всех соучастников, основанная на деянии исполнителя – оконченной кражи. При этом объясняется, что совершение менее тяжкого посягательства на тот же основной объект, конкретизированный по признакам предмета и (или) потерпевшего, соответствует цели совместных действий соучастников (похитить конкретное имущество) и полностью охватывается умыслом иных соучастников. О. С. Капинус и К. В. Ображиев делают вывод: «Исполнитель остается в пределах совместного умысла соучастников, что исключает применение ст. 36 УК РФ. А потому в рассматриваемых ситуациях уголовно-правовая оценка действий организатора, подстрекателя и пособника должна быть основана на аксессуарных началах» [13, с. 47].

На наш взгляд, квалификация преступлений может считаться правильной, если соответствует принципу дифференциации уголовной ответственности соучастников. Такой аспект трактовки правильной квалификации преступлений предполагает, что подлежит учету эксцесс, направленный как на понижение, так и на повышение общественной опасности деяния. Соответственно, если умысел исполнителя трансформировался на совершение кражи вместо разбоя, деяние исполнителя должно квалифицироваться как совершение кражи. Исходя из того, что умысел другого соучастника, например подстрекателя, направлен на совершение более тяжкого преступления – разбоя, ему должно вменяться подстрекательство к разбою. Все преступления здесь оконченные.

Итак, можно заключить, что в действующем уголовном законодательстве норма об эксцессе необоснованно ограничивается указанием на исполнителя преступления, несмотря на то что доктриной и практикой выявлены примеры эксцесса и других соучастников преступления, предполагающие дифференциацию уголовной ответственности. При этом пробелом в законодательстве является отсутствие указания на пределы ответственности соучастников при эксцессе одного или нескольких из них.

В связи с этим предлагаем:

1) Закрепить в УК РФ дефинитивную норму об эксцессе для всех видов соучастников преступления в следующей редакции:

«Статья 36. Эксцесс соучастника

Эксцессом соучастника признается совершение исполнителем, организатором, подстрекателем и пособником деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, не охватывающегося умыслом других соучастников преступления.

За эксцесс исполнителя, организатора, подстрекателя, пособника другие соучастники ответственности не несут. Ответственность соучастников при эксцессе одного или нескольких из них наступает в соответствии с направлением умысла без ссылки на статью 30 настоящего Кодекса»;

2) Определить правила квалификации при эксцессе для разных видов соучастников в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, специально посвященном вопросам судебной практики о соучастии в преступлении.

Представляется, что предложенные новеллы соответствуют концепции индивидуальной ответственности соучастников и могут способствовать справедливому и единообразному разрешению уголовных дел о преступлениях, совершенных в соучастии, а также в целом помогут усовершенствовать уголовно-правовое воздействие на негативное социальное явление соучастия в преступлении, дестабилизирующее важнейшие сферы жизни отдельного человека и гражданского общества и во многих случаях представляющее реальную угрозу национальной безопасности государства.

Библиографический список

1. Кленова Т. В. Возможности Верховного Суда Российской Федерации в преодолении недостатков уголовного закона // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы международной научно-практич. конф. 29–30 января 2004 г. М.: МГЮА, 2004. С. 58–63.
2. Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.
3. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 7.
4. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.
5. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 3.
6. Галиакбаров Р. Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2000. 200 с. URL: https://www.studmed.ru/view/galiakbarov-rr-kvalifikaciya-grupповyh-prestupleniy_e99c35011e3.html.
7. Иванов Н. Г. Соучастие в правоприменительной практике в доктрине уголовного права // Уголовное право. 2006. № 6. С. 29–32. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12951174>.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А. И. Чучаева. М.: Проспект, 2019. 1536 с.
9. Тельнов П. Ф. Кто отвечает за соучастие в преступлении / отв. ред. А. Я. Сухарев. М.: Юрид. лит., 1981. 96 с.
10. Косарева Т. И. Пособничество совершению преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004. 194 с. URL: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/posobничество-soversheniju-prestuplenija.html>.
11. Милуков С. Ф. Уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб.: Знание, СПБ ИВЭСЭП, 2000. 279 с. URL: http://www.adhdportal.com/book_1721.html.
12. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8.
13. Капинус О. С., Ображиев К. В. Эксцесс исполнителя и иных соучастников преступления: проблемы квалификации // Уголовное право. 2018. № 2. С. 42–51. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34968304>.
14. Арутюнов А. А. Соучастие в преступлении. М.: Статут, 2013. 408 с. URL: <https://ru.b-ok.cc/book/2902721/bc9dcc>.
15. Иванова Л. В. Особенности квалификации действий соучастников при эксцессе исполнителя преступления // Российский следователь. 2013. № 7. С. 24–26. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19080165>.

References

1. Klenova T. V. *Vozmozhnosti Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii v preodolenii nedostatkov ugovolnogo zakona* [Possibilities of the Supreme Court of the Russian Federation in overcoming the shortcomings

of the Criminal Law]. In: *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy mezhdunarodnoi nauchno-praktich. konf.i 29–30 yanvarya 2004 g.* [Criminal Law: development strategy in the XXI century: Proceedings of the international research and practical conference on January 29–30, 2004]. M.: MGYuA, 2004, pp. 58–63 [in Russian].

2. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 1999, no. 3 [in Russian].

3. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2003, no. 7 [in Russian].

4. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2003, no. 2 [in Russian].

5. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2003, no. 3 [in Russian].

6. Galiakbarov R. R. *Bor'ba s gruppovymi prestupleniyami. Voprosy kvalifikatsii* [Fight against group crimes. Issues of qualification]. Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet, 2000, 200 p. Available at: https://www.studmed.ru/view/galiakbarov-rr-kvalifikaciya-grupповyh-prestupleniy_e99c35011e3.html [in Russian].

7. Ivanov N. G. *Souchastie v pravoprimeritel'noi praktike i v doktrine ugovolnogo prava* [Complicity in law enforcement practice and in the doctrine of criminal law]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], 2006, no. 6, pp. 29–32. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12951174> [in Russian].

8. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (nauchno-prakticheskii). Pod red. A. I. Chuchaeva* [Comments to the Criminal Code of the Russian Federation (research and practical). A. I. Chuchaev (Ed.)]. M.: Prospekt, 2019, 1536 p. [in Russian].

9. Telnov P. F. *Kto otvechaet za souchastie v prestuplenii. Otv. red. A. Ya. Sukharev* [Who is responsible for complicity in the crime. A. Ya. Sukharev (Ed.)]. M.: Yurid. lit., 1981, 96 p. [in Russian].

10. Kosareva T. I. *Posobничество soversheniyu prestupleniya: dis. ... kand. yurid. nauk* [Aiding the commission of a crime: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Ryazan, 2004, 194 p. Available at: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/posobничество-soversheniju-prestuplenija.html> [in Russian].

11. Milyukov S. F. *Ugolovnoe zakonodatel'stvo: opyt kriticheskogo analiza* [Criminal law: experience of critical analysis]. SPb.: Znanie, SPB IVESEP, 2000, 279 p. Available at: http://www.adhdportal.com/book_1721.html [in Russian].

12. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2017, no. 8 [in Russian].

13. Kapinus O. S., Obrazhiyev K. V. *Ekstsess ispolnitelya i inykh souchastnikov prestupleniya: problemy kvalifikatsii* [An excessive act of a perpetrator and other partners in crime: problems of qualification]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], 2018, no. 2, pp. 42–51. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34968304> [in Russian].

14. Arutyunov A. A. *Souchastie v prestuplenii* [Criminal complicity]. M.: Statut, 2013, 408 p. Available at: <https://ru.b-ok.cc/book/2902721/bc9dcc> [in Russian].

15. Ivanova L. V. *Osobennosti kvalifikatsii deistvii souchastnikov pri ekstsesse ispolnitelya prestupleniya* [Peculiarities of qualification of actions of accomplices in case of an excessive act]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2013, no. 7, pp. 24–26. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19080165> [in Russian].